

Тамара Айзенберг

Израиль
МОИМИ
глазами

Рассказы, очерки, фельетоны

Тамара Айзенберг

**Израиль моими глазами.
Рассказы, очерки, фельетоны**

«Издательские решения»

Айзенберг Т.

Израиль моими глазами. Рассказы, очерки, фельетоны /
Т. Айзенберг — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-506990-0

Книга содержит наблюдения и впечатления человека, впервые и навсегда покинувшего в 1990 г. бывший Советский Союз, не познавшего до тех пор иной жизни, кроме жизни среднего советского служащего: семья — муж, жена и двое детей, трехкомнатная квартира на окраине Ленинграда, зарплата, которой хватало на скромную жизнь, без дачи и автомобиля. И теперь предстояло преодолеть столбняк от страха перед неведомым миром, выучить иврит и усвоить множество новых понятий и принципов жизни.

ISBN 978-5-00-506990-0

© Айзенберг Т.
© Издательские решения

Содержание

К читателю	6
Рассказы и очерки	7
Уроки Деби	7
– Уроки иврита	7
– Уроки мужества	7
– Уроки патриотизма	8
– Уроки человечности	8
Мой первый Седер в Израиле	9
Есть еще надежда	11
Не смертная казнь	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Израиль моими глазами

Рассказы, очерки, фельетоны

Тамара Айзенберг

Благодарности:

Тимофей Нахимович Комисарчик

© Тамара Айзенберг, 2020

ISBN 978-5-0050-6990-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

К читателю

Предлагаемая Вашему вниманию книга содержит наблюдения и впечатления человека, впервые и навсегда покинувшего в 1990 г. бывший Советский Союз, т. е. в некотором смысле «девственного» – не познавшего до тех пор иной жизни, кроме жизни среднего советского служащего: семья – муж, жена и двое детей, трехкомнатная квартира на окраине Ленинграда, зарплата, которой хватало на скромную жизнь, без дачи и автомобиля. Были в этой жизни друзья и родные, книги, чувства и размышления, потрясения и приключения, представления о добре и зле и множество привычек и навыков. И теперь предстояло преодолеть столбняк от страха перед неведомым миром, выучить иврит и усвоить множество новых понятий и принципов жизни.

Вот как это было.

Рассказы и очерки

Уроки Деби

Как и большинство олим хадашим, вскоре после приезда в Израиль мы начали учиться ивриту в ульпане. В нашем классе человек двадцать, все из СССР – из Москвы, Ленинграда, Киева, Одессы, городов поменьше. Врачи, инженеры, музыканты, один повар и двое школьников. Возраст учеников от 17 до 65 лет. Одни – напористые, энергичные, все знают и все делают правильно, другие – тихие, замкнутые, нерешительные: неудачно сняли квартиру, не там купили электротовары, потеряли багаж, не во что одеться и обуться. Остальные ученики между этими полюсами. Очень разношерстный состав. Как-то мы будем учиться?

В класс пришла учительница, внешне ничем не примечательная хрупкая женщина средних лет, среднего роста, с обыкновенным лицом. Выделялись только ее роскошные каштановые волосы, пышные и блестящие.

Она положила на стол сумку, достала книги, тетрадь, ручку и сказала:

– Меня зовут Деби Аронштайн. А теперь вы назовите мне ваши имена.

Так мы впервые услышали ее голос. Что это был за чудный голос: глубокий, чуть низковатый, в нем звучали одновременно и нежность, и сила, и радость жизни. А еще через полчаса мы разглядели огромные глаза, прелестную улыбку, живость и грацию – настоящая красавица.

Началось наше счастливое время, мы шли на занятия как на праздник. За месяцы учебы мы прожили незабываемый и яркий кусок жизни и научились очень многому.

– Уроки иврита

Как объяснить людям, знающим на иврите только «Шалом!», «Бокер тов!» «кэн» и «ло» множество понятий, предметов и действий? У Деби был для этого огромный арсенал разных средств. Иногда ради одного слова она придумывала и показывала нам маленький спектакль, подчас очень смешной. Например, слово «курица». С помощью нескольких известных нам слов она рассказывала, что отец ее – фермер и бизнес его – куриные яйца, а куриные яйца несет – кто? А вот кто: Деби сгибала в локтях руки и двигала ими, в точности как курица крыльями. Столько юмора было в этой сценке, что мы падали от хохота. Как-то так получалось, что по ходу нашей, казалось бы, никем не управляемой беседы мы проходили программу. Когда мы дома открывали учебник, нам все было в нем ясно до последнего слова. Чаше других Деби вызывала пассивных учеников и не отставала от них, пока те четко и без ошибок не произносили предложение. Через три месяца почти все мы могли объяснить на иврите самые необходимые вещи, разобрать счета за газ, воду, телефон, умели заполнить простые анкеты.

– Уроки мужества

С Деби мы пережили нашу первую и, Бог даст, последнюю войну в Израиле в январе-феврале 1991 года. Когда, после первой военной ночи с воздушными тревогами, противоборствами и загерметизированными комнатами, мы, бледные и дрожащие, пришли в ульпан, нас встретила наша учительница, спокойная и серьезная.

– Да, – сказала она. – Началась война, и опасность велика. Но так уже было много раз, и наше маленькое государство воевало и побеждало врагов без чьей-либо помощи. А сейчас

самая сильная и богатая страна в мире, США, помогает нам. Ирак не может победить, и война будет недолгой. Давайте учиться слушать радио – сейчас это самое важное.

И мы учились очень прилежно, и отступали волнение и страх. Мы без паники выполняли инструкции и успокаивали друг друга. По утрам мы рассказывали в классе на иврите, как прошла ночь, какое у нас самочувствие и настроение. С особенным пристрастием Деби допрашивала Мусю и Абрама, хозяев молодого пуделя:

– А как пережил сегодняшнюю тревогу наш милый Чарли? Идет ли ему противогаз?

Не слишком ли он нервничает?

Все улыбались.

В эти дни мы впервые почувствовали себя частью народа Израиля.

– Уроки патриотизма

Мало кто в нашем классе еще в Союзе знал что-либо об Израиле, его истории, религии, культуре.

На каждом уроке Деби рассказывала нам понемногу о возникновении государства Израиль, о его основателях, о праздниках и обычаях, о политических партиях, об израильских поэтах и художниках. Она научила нас простой молитве и популярным израильским песням.

Деби всегда призывала нас, категоричных и уверенных в своей правоте бывших граждан СССР, не спешить с выводами о том, что в Израиле хорошо и что плохо, а постараться понять новую жизнь, новую Родину и ее людей. Она вселяла в нас надежду, что мы тут не пропадем, что в трудную минуту нас поддержит и государство, и люди: соседи, знакомые, родные, сабры и ватики. А главное, она повторяла, что нынешняя алия – замечательная, образованная, талантливая и трудолюбивая, что все мы нужны Израилю и с нашей помощью произойдет расцвет государства.

– Уроки человечности

На каждом уроке все мы по очереди рассказывали на иврите какую-нибудь историю. И однажды одна ученица говорила о своем родном городе – Одессе. Это был, на первый взгляд, совсем бесхитростный рассказ о том, что в Одессе есть море, красивые улицы, много музеев, театров, институтов... Но в голосе и интонациях звучала такая любовь и такая тоска, что мы едва сдерживали слезы. Только Деби, мгновенно уловив эти чувства, не сдерживала слез и заплакала – горячо и искренне.

Но Деби не только умела сопереживать, она всем нам помогала, утешала расстроенных, давала нам бесценные в нашем положении (без языка и знания жизни) советы, звонила для нас в учреждения, больницы, фирмы, помогала искать работу.

Наша учительница была к нам очень снисходительна и прощала многое: опоздания, шум в классе, ошибки в иврите, самоуверенные суждения. Лишь когда она сталкивалась с наглостью, ее милое лицо и мягкий голос становились такими холодными, что виноватый сразу и надолго делался очень тихим.

Вскоре обнаружилось, что и мы, ученики, стали добрее и терпимее друг к другу, в классе установилась атмосфера тепла и душевности.

Я передаю дружеский привет всем прошлым, настоящим и будущим ученикам Деби и желаю ей здоровья и счастья.

Мой первый Седер в Израиле

Примерно через 4 месяца после нашего приезда в Израиль в нашей квартире раздался телефонный звонок. Звонила женщина и говорила на иврите. Она сказала, что в Машнасе она узнала о проблемах нашей семьи и хочет помочь нам. Да, были у нас, как и у многих олим хадашим весьма серьезные затруднения, и как многие, мы не понимали даже, как подступиться к нашему вопросу, к кому обратиться за помощью, и совсем отчаялись добиться успеха.

Через пару дней эта женщина пришла к нам: 35-летняя, беременная примерно на 6-ом месяце, с небольшой отдышкой после подъема по лестнице, с ней двое детей: девочка 4-х лет и мальчик 8-ми лет. Так мы познакомилась с Ошрит Сукот и ее семьей. Проблема наша с ее помощью уже давно разрешилась наилучшим образом, но мы часто слышим по телефону ее голос, с неподдельным интересом расспрашивающий о наших делах.

И вот незадолго до Песах снова звонит Ошрит:

– Хотели бы вы провести с нами Седер?

– Да, конечно, очень хотим!

– Тогда послезавтра ждем вас всей семьей к 8-ми вечера.

И вот мы на Седере у Ошрит. Собралась большая семья: родители и их трое детей: Ошрит, Рахель и Ицхак со своими семьями. Дети, умытые, нарядные, в нетерпении ждут начала, ведь каждый из них будет участвовать в Седере, они знают, в какой момент и что именно они должны делать. Старшая среди детей 12-летняя Эстер усаживает нас и приносит иллюстрированную детскую книжку о Песах, листает ее и объясняет каждую картинку. Мы мало еще знаем иврит, но картинки, живое личико и ясные глаза Эстер, ее жесты очень помогают нам. Помогает нам и то, что мы прочли книжку о Песах, полученную в ульпане, и прослушали целый урок, посвященный этому празднику.

Но вот все готово. Садимся за стол, на нем белоснежная скатерть, красивая посуда, блюдо для Седера, маца, блюда с едой, вино. Мы сидим рядом с главой семьи, отцом Ошрит, который проводит Седер, напротив – Ошрит с мужем и дочкой. Нам дают Пасхальную Агаду на русском языке и иврите. Все лица серьезны и торжественны, дети внимательно следят за дедушкой.

Седер начался. Чтение Агады прерывается иногда наливанием вина, преломлением мацы и другими необходимыми действиями. Муж Ошрит, Дани приглядывает за нами, если кто-то отстает или убегает вперед, он находит нужную страницу, подсказывает, когда и что есть, когда пить вино. Остальные тоже иногда бросают на нас дружелюбные взгляды, в которых мы читаем, что мы – желанные гости, что делаем все правильно и не должны смущаться. Теплые волны одобрения и заботы окутывают нас, пропадает скованность от незнакомой обстановки, незнакомом языка, мы чувствуем себя как дома.

И я вспоминаю свой родительский дом в Ленинграде. Мои родители не были набожными людьми, но каждый год проводили Седер. В послевоенные 40-е годы, когда еще не было в квартирах газа, в нашей кухне стояла большая деревянная плита. За 2 – 3 недели до Песах пекли мацу. Приходили мамы сестры с мужьями и детьми. Женщины раздвигали наш обеденный стол, замешивали и раскатывали тесто. Мужчины пекли мацу на огромном железном листе на плите. Детвора толкалась тут же под ногами у взрослых. Царила необыкновенно радостная атмосфера, было много шуток и смеха.

В день Седера приходила вся наша родня, отец мой, большой юморист и остролов, становился очень серьезным, надевал кепку, доставал откуда-то тоненькую, с пожелтевшими листами книжечку с чужими странными буквами. Я хорошо помню эту книжечку и сейчас уверенно могу сказать, что она была на иврите. Поглядев на всех строгим взглядом, он начинал читать молитву на незнакомом языке. Читал он очень долго, мы, дети, ничего не понимали, но было нечто в атмосфере вечера, что заставляло нас сидеть очень тихо, каким-то чутьем мы

угадывали, что происходит что-то очень важное. Мы знали только в общих чертах, что Песах – праздник исхода евреев из египетского рабства.

Позже открылась в Ленинграде Синагога и в квартиры провели газ. Мы выбросили нашу деревянную плиту и стали покупать мацу в Синагоге. Каждый год, как всегда, в нашем доме праздновали Песах. И мы, дети, ставшие взрослыми, приходили уже со своими семьями. Приходили беспечные, наслаждались праздником, слушали отца, ели и пили и не расспрашивали ни о чем, как нужно проводить Седер, уверенные, что так будет всегда. Но время шло, родители старели и, наконец, ушли из жизни, один за другим.

Что же мы, дети? Нас было трое у родителей: два брата и я, сестра. Единственное, что я умела – готовить блюда из мацы, т.к. всегда помогала моей матери. Еврейскую литературу в СССР нерелигиозному человеку найти непросто, многие знакомые старики, люди религиозные и знатоки иудаизма, уже умерли, ведь и мы уже немолоды, под 50.

Так что мы могли немного: узнать дату Песах, купить мацы, вина, приготовить еду и собраться в этот вечер, посидеть всем вместе, припомнить, что же было на Седер у родителей. И мы всегда делали это немного, каждый год.

Такие воспоминания посетили меня посреди праздника, этих милых людей, и было очень завидно, что для них и их детей продолжительная и сложная процедура Седера, известная с младенчества, проста и понятна, что исполнение всех элементов его исполнено для них глубочайшего смысла и доставляет большую радость. Чего стоило только посмотреть на детей, которые сначала спрятали мацу, а потом вернули и получили подарки, как блестяли их глазки, как быстрые ручки нетерпеливо распаковывали пакеты и доставали сумки, книги, игрушки и пр., примеривали, рассматривали, играли, менялись друг с другом. Сколько было счастья!

На этом нашем первом Седере мы поняли, что нам предстоит в Израиле не только научиться ивриту, найти работу и квартиру, но и научиться жить без суеты, понять душу своего народа, его историю, религию, обычаи, и научить этому своих детей и внуков. Мы хотели бы сами строить шалаш в Сукот, придумывать костюмы нашим детям в Пурим и проводить Седер в первый день Песах, быть хозяевами на этих праздниках, а не только гостями.

И еще мы поняли, как прав был тот журналист, который написал в русскоязычной газете, что вопреки несовершенному государственному устройству, бюрократии и другим недостаткам «Израиль существует благодаря очень хорошему человеческому потенциалу».

Есть еще надежда

Как он был хорош, ее первенец! Младенец ростом 50 см и весом 4 кг, он был весь круглый, круглые ножки, ручки, животик. Даже выдавшие многое врачи и сестры в родильном доме, говорили, что ребенок прелестный. Он рос здоровым мальчиком, вовремя начал ходить и говорить, был подвижный, веселый, сообразительный, конечно, иногда простужался, как все ленинградские дети. К шести годам он научился плавать и кататься на велосипеде, освоил коньки и лыжи... Она читала ему книжки и пела свои любимые песни, которые он быстро запомнил. Когда они были одни дома или на прогулке, они вместе распевали «Катюшу», «Синенький скромный платочек», «Там вдали за рекой»... У него были друзья, с ними он играл в футбол, в хоккей, в войну, дрался и мирился.

Однако на фоне общей отрадной картины было кое-что, совсем пустяки, которые, однако, ее беспокоили. Он не придумывал сам игр, как другие дети. И еще не получалась у него мелкая работа: завязать шнурки, привязать крючок к леске, застегнуть маленькие пуговички.

Когда он начал учиться, оказалось, что он не понимает самых простых задач и, главное, очень устает в школе. Она готовила уроки вместе с ним. При этом его разумное ясноглазое личико становилось отсутствующим. Потеряв терпение, она кричала, топала ногами, вылетала опроретью из комнаты, успокаивалась и приходила снова – ничто не помогало.

– Ничего, – говорили знакомые, – так бывает у детей. Вырастет – поумнеет.

Но он не умнел. Из жизнерадостного, подвижного малыша он постепенно превращался в грустного, одинокого, задумчивого мальчика. О чем он думал? Он не рассказывал об этом, как, впрочем, не рассказывал ни о чем, что с ним происходило в школе, во дворе.

Когда ребенку было 9 лет, она обратилась к психиатру. После десятиминутной беседы с ней и с мальчиком врач сказал то же, что и остальные:

– Ничего, так бывает у детей, к 14 – 15 годам все станет на свои места.

К 14-ти годам он не только не «скомпенсировался», как обещал психиатр, но разучился кататься на велосипеде, на коньках, его обижали в классе и во дворе, учителя ставили ему одни двойки, изредка – тройки. Из грустного мальчика он превратился в мрачного, медлительного, молчаливого подростка. Только по-прежнему любил слушать музыку, особенно песни. Она не понимала, что это? Это не было ни безумием, ни душевной болезнью. Врачи выслушивали ее, но не говорили ничего определенного, не давали никаких советов и не назначали никакого лечения.

В 15 лет он, окончив 8 классов, умел только читать, писать и немного считать. В 16 лет его признали инвалидом и направили работать в так называемые лечебные мастерские.

Что такое лечебные мастерские в России? Это – убогие помещения, однообразная работа, неухоженные угрюмые больные. Вообще, инвалиды в России, как правило, зрелище такое скорбное, что всякий раз при встрече с ними сжимается сердце. На их лицах выражение робости и страдания, иногда – ожесточения. Многие из них – пьют, это еще больше ухудшает их физическое состояние и портит характер. Инвалидов в России не любят, не хотят их лечить, они всем мешают.

Но ее сын работал в своей мастерской охотно, на свою крошечную зарплату он покупал газеты и журналы, перелистывал их по многу раз, не читая. Еще он покупал пластинки и слушал их вечерами. Иногда ездил в центр города посмотреть, что есть в больших магазинах: игрушки, пластинки, открытки. Когда ему исполнилось 20, врачи сказали две вещи: его состояние никогда не улучшится, но может стать хуже; ему противопоказаны перемены.

Но перемены произошли: семья переехала в Израиль. Она мало думала о том, где и как им жить и работать. Самое главное, что ее беспокоило – как будет здесь ее мальчик – без языка, среди чужих людей, в незнакомом городе.

Больше всего ее поразили в Израиле инвалиды, не было в их облике ни тоски, ни страдания, как в СССР. Глядя на них, она поняла, что в этой стране значимость любой человеческой жизни одинакова, будь то здоровый или больной, умный или глупый.

...Юноша-инвалид в коляске, он умыт, причесан, аккуратно одет. На коленях у него тарелка с нарезанным арбузом и вилка, движения его неловки. Рядом молодая женщина, что-то живо ему рассказывает, подбирает с его одежды упавшие кусочки, улыбаясь и глядя на него с нежностью.

А вот инвалид подъезжает к банку, скрывается внутри – значит, у него есть свой счет, возможно, он где-то работает.

А это ее соседи – молодая женщина без ног в коляске, один ребенок у нее на руках, другой – на плечах у мужа, который идет рядом, они серьезно говорят о чем-то...

Врачи в России были правы – переезд отразился на ее сыне очень тяжело, характер его совсем испортился: он стал агрессивным и грубым, ни с кем не разговаривал, мог ударить мать, отца или брата.

После многих, многих формальностей она получила в Министерстве Абсорбции направление в институт «Elwin». Сначала было тестирование. Выяснили все: физическое состояние, уровень знаний, характер, склонности, что он умеет и чего нет. Четверо специалистов работали с ним много часов. Спросили, между прочим, хорошо ли он завязывает шнурки. Спросили все, что казалось ей хоть сколь-нибудь важным. Вскоре настал день, когда он в первый раз пошел в «Elwin» работать. Накануне их пригласили на беседу. В кабинете три человека; заинтересованные, внимательные, спокойные лица. Они уже видели результаты тестирования, но хотели лично познакомиться со своим подопечным, чтобы наилучшим образом подобрать ему работу, инструктора, группу. Ей предложили провести с ним вместе первый день. За этот день она многое увидела. Главное ощущение – там не было несчастных людей. Их сразу окружили с вопросами, улыбками, рукопожатиями. Много странных людей, со странными походками, с косящими глазами, с неразборчивой речью, но веселых, общительных, любопытных. У ее сына сразу появились опекуны и опекунши, готовые все показать и объяснить. И все сотрудники института тоже их заметили, каждый говорил им хоть пару добрых слов. Некоторые – даже на русском языке.

После нескольких поездок с ним вместе, по утрам – в «Elwin», а вечером – обратно, она пришла в отчаяние. Он никогда не запомнит, где выходить из одного автобуса и садиться в другой, он никогда не выучит ни единого слова на иврите и не сможет ни спросить, ни понять, что ему говорят. И когда в институте ей сказали знаменитые в Израиле леат-леат и савланут, это мало ее успокоило. Но через короткое время появилась учительница, которую пригласили специально для одного ученика – ее сына. Ей поручили две задачи: заниматься с ним ивритом и научить его ездить на автобусах из дома и обратно.

Целый месяц каждый день эта женщина встречала его на остановке у дома и ехала вместе с ним до института, а после работы обратно, пока он все хорошенько не запомнил и не начал ездить самостоятельно. Уроки иврита тоже дали результаты, теперь он знает много важных слов.

Его жизнь постепенно наполняется, опять есть работа, зарплата, прогулки, газеты, музыка. Он стал добрей, разговорчивей, аккуратней. Может быть со временем и он, как его товарищи в «Elwin», станет раскованным, оживленным, общительным? Ей кажется сейчас, что это вполне возможно, в ее сердце поселилась надежда, которая дает силы работать и учиться, преодолевать трудности и не бояться грядущего.

Не смертная казнь

Сегодня хозяин объявил ему, что взял новую служащую. Не представил ему ее, не посоветовался, не дал с ней поговорить, а поставил перед фактом. А взял кого? Репатриантка, да еще 50 лет. Какой может быть прок от нее? Без иврита новую работу освоить и молодому нелегко, а в 50 лет? Конечно, с этим идиотом и лодырем Ави он устал. Приходилось почти все делать самому или проверять всю работу и исправлять ошибки. По правде говоря, фирма держится только на нем. Хозяин не понимает этого или делает вид, что не понимает. Не только бухгалтерия – его прямая функция – на нем, но и компьютеры, которые без конца ломаются, и клиенты, у которых вечно претензии – предлог, чтобы не платить, и рабочие, которым вечно мала зарплата. Надо бы найти, наконец, новую работу и сказать хозяину «Шалом!». Пусть покувыркается с другим бухгалтером, пусть этот другой распутывает все, что запуталось за последнее время. У него не хватает ни сил, ни времени поддерживать порядок во всех делах. Баланс не делали уже целый год, а через месяц ревизия.

Теперь еще эта новенькая, старая гримза. Явились все в Израиль! Безбожники бессовестные, сидели, пока им хвосты не прижали. Его семья уезжала не так, как эти. Чуть камнями не били соседи и кричали: «Подлецы! Выпили крови из нашего русского государства, нажили богатства, а теперь в Израиль? Плохо вам тут! Вон какой домина, и машина, и дети в институтах учатся.» 3 года они сидели в отказе. Родители без работы, опозоренные и кипящие от ненависти, старались не выходить из дома. А нынешние – им создали все условия: никто их не задерживал, Сохнут их провожал и встречал, дали им кучу денег. А за что, собственно? Дай им волю они растащат все государство.

Он не ожидал увидеть такую – совсем еще не старая, густые темные волосы, темно-красный костюм ловко сидит на ней, легкая походка. Но лицо, что это за лицо – на нем такая растерянность и такой страх в глазах, что жалко смотреть. Ну что делать, придется учить ее, с хозяином не поспоришь. Показал ей, как делать кассу, как обрабатывать чеки, как выписывать квитанции. Возилась 2 часа, не могла сложить правильно деньги и чеки, сидела, склонившись над столом и обливаясь потом, и не замечала ничего – ни входящих и выходящих, ни телефонных звонков, ни грохот отбойного молотка за окном. Зашел хозяин, молча посмотрел на нее минуту и вышел. Она и этого не заметила. Однако закончила кассу, сошлось все с горем пополам и денег хватило. Интересно, как она управится со всем, что ей полагается делать за ее зарплату?

В 4 часа он сказал ей, что пора идти домой. Она встала, расправляя затекшие плечи, спину, ноги, взяла сумочку и вышла, шепнув не поворачиваясь: «До свидания.»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.